

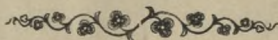
Reg. archiwalny 31

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ТОМЪ XLIV

1891

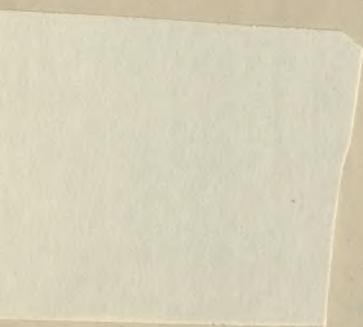
INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN.
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1891

5015

F. 7105

РУССКІЯ СИМПАТІИ ВЪ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ ¹⁾.

(Неизданныя произведенія поэта А. Э. Одынца).

ТРИЦАТЕЛЬНЫЯ отношенія польскаго общества и польской литературы ко всему русскому достаточно извѣстны. Распространяться о неразумной, безосновательной и продолжительной ненависти къ намъ со стороны нашихъ привислинскихъ братьевъ-славянъ совершенно излишне, и нужно лишь удивляться устойчивости такихъ отношеній одной славянской семьи къ другой и необычайной солидарности въ томъ поляковъ. Утративъ свою политическую самостоятельность вслѣдствіе разлада между собою и отсутствія единства мысли, единства дѣйствій, примкнувъ къ западной цивилизаціи до потери многихъ особенностей славянской расы, поляки сдѣлались послѣ того солидарными и единомысленными лишь въ одномъ: въ ненависти къ Россіи, ко всему русскому.

Не смотря, однако, на такую солидарность, изъ среды польскаго общества являются иногда, въ видѣ весьма впрочемъ рѣдкаго исключенія, люди благомыслящіе, отдающіе должную справедливость незлобію и долготерпѣнію русскаго народа и проявляющіе предъ нимъ, такъ или иначе, свои симпатіи. Такъ, изъ мрака польскаго озлобленія выступаетъ предъ нами человекъ, озарившій блескомъ своего поэтического творчества неестественныя отношенія поляковъ къ русскимъ.

¹⁾ Читано авторомъ въ торжественномъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества 26 февраля 1891 г.

Этотъ человекъ — польскій поэтъ и публицистъ Антоній-Эдуардъ Одынецъ ¹⁾.

Занимая независимое положеніе литератора и чуждый какихъ бы то ни было заискиваній, польскій поэтъ, истинный доброжелатель своей родины, относился къ русскимъ не только безъ фанатическаго предубѣжденія, которымъ заражены его соотечественники, но съ несомнѣннымъ расположеніемъ и любовью, и эти рѣдкія чувства свои выразилъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, съ которыми мы и познакомимъ читателей «Историческаго Вѣстника».

Въ нашемъ распоряженіи находится четыре такихъ произведенія Одынца. Только первое изъ нихъ было напечатано, но въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажѣ не находилось; остальные же три (одно оригинальное и два перевода съ русскаго) нигдѣ въ печати еще не появлялись. По недоброжелательнымъ отношеніямъ къ русскимъ со стороны польской прессы, невозможно ожидать появленія этихъ произведеній изъ-подъ станка польской типографіи, а потому приводимъ ихъ здѣсь въ польскихъ оригиналахъ съ переводами на русскій языкъ.

I.

«Да прійдетъ царствіе Твое».

Рескриптъ императора Александра II-го 20 ноября 1857 г. на имя виленскаго генераль-губернатора, какъ извѣстно, былъ первымъ правительственнымъ актомъ, положившимъ начало освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этимъ знаменательнымъ актомъ разрѣшалось дворянамъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній приступить къ составленію проектовъ устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, при чемъ были указаны и главнѣйшія основанія, на которыхъ должна быть произведена реформа, именно освобожденіе крестьянъ съ землею. Предначертанія эти не вполне совпадали съ ожиданіями польскихъ помѣщиковъ Сѣверо-Западнаго края, которые надѣялись лишь на уничтоженіе ненавистныхъ имъ инвентарей ²⁾, но вовсе не думали о земельномъ надѣлѣ крестьянъ.

Иначе отнесся къ первымъ шагамъ великой реформы поэтъ Одынецъ.

¹⁾ О немъ см. «Историческій Вѣстникъ»: 1880 г., т. II («Мицкевичъ въ Россіи», Ф. К. Неслуховскаго); 1884 г., т. XVIII («Мицкевичъ и виленскіе филареты», Н. С. Кутейникова); 1885 г., т. XIX («А. Э. Одынецъ», М. И. Городецкаго, съ портретомъ) и 1885 г., т. XXI («Воспоминанія Одынца», Н. С. Кутейникова).

²⁾ Ичисленіе крестьянскихъ угодій и лежащихъ на крестьянахъ обязанностей и повинностей въ отношеніи помѣщиковъ.

Поэтъ жилъ тогда въ Вильнѣ и, узнавъ о предстоящемъ приѣздѣ государя въ столицу Литвы, написалъ поэтическое привѣтствіе Александру II, какъ будущему освободителю крѣпостнаго народа. Это произведеніе польскаго поэта вошло въ небольшой сборникъ, составленный всего въ теченіе одного мѣсяца и отпечатанный въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не выпущенныхъ въ продажу. Сборникъ, составляющій теперь уже библиографическую рѣдкость, носить такое заглавіе:

«Въ память пребыванія государя императора Александра II въ Вильнѣ 6 и 7 сентября 1858 г. Изданіе Виленской археологической комисіи. Вильно. Въ типографіи Осипа Завадскаго, 1858 г.»

Вотъ привѣтствіе поэта Одынца, помѣщенное на первыхъ страницахъ сборника:

Przyjdź królestwo Boże!

„Pójdźcie a oglądajcie sprawy Pańskie, jakie cuda
uczynił na ziemi,
„Odjąwszy wojny aż do krańców ziemi.
„Skruszy łuk i zdruzgocze orężę, i tarcze ogniem
popali.
„Uspokojcież się, a baczcie, żem Ja jest Bóg; i będę
wywyższon między narody, i będę wywyższon na ziemi“.

Psałm XLV.

Któż jako Bóg na Niebie? Kto jak Ten na ziemi,
Co przez Boga obleczone władzą nad narody,
Iako Ojciec, miłością, włada tylko niemi,
Iako Zbawca, przez miłość, wiedzie do swobody?

O cześć Mu, i chwala, i tryumf bez końca!
Duch Boży tchnie w Ludzkość przez Niego.
On Dawca pokoju, On Prawdy Obrońca,
On Budownik Królestwa Bożego!

* * *

O! przyjdź Królestwo Boże!
Nie po zwaliskach tronów,
Nie przez krwi ludzkiej morze;
Nie przez trzy milionów!
Przyjdź, jak rosa z obłoków,
Drogą wszystkich łask Pańskich:
Przez natchnionych Proroków,
Przez Królów Chrześcijańskich!

* * *

I wionął już na świat Duch czasu prorocy:
Serc ludów potrzebą — zbliżenie.
Iskrami piorunu ich myśl się jednoczy,
W mgłach pary zniknęły przestrzenie

Lecz na toż ach! tylko brat k'bratu się zbliży,
 By miejsca w nim dójrzyć bezbrojne;
 By wzajem tem chytéj, módz zionąć ze śpiży,
 By udoskonalic — li wojnę?

O! gdzież jest ta święta, ta Boża potęga,
 Co dróg ich sprostuje zawilosc:
 Co ślubem braterstwa narody posprzega,
 Swobode utwierdzi przez Miłosc?

* * *

Wschód zamierzchl ciemnotą i mgłą nieruchoma,
 Półkiężyc zgasł w burzy pomroku.
 I słońce Zachodu swą jasność pozioma
 W złoto — krwistym topi obloku.

Lecz Bóg jest nad światem—i w Jego pomocy
 Nadzieja ludzkości nie marna!
 Bóg wejrzał—i oto na Niebie Północy
 Zaiskrza się Zorza Polarna.

Ożyweze promienie jak słońcem zabłysły,
 Świat budząc, od kraju do kraju:
 Od Wolgi, od Leny, do Niemna, do Wisły.
 Wzdłuż brzegów sinego Dunaju.

I jako przez xiężyc, głąb'morza uspiona
 Ku niebu się dźwiga do ruchu:
 Tak przez Nią, krwi bratniej szerokie plemiona
 Z letargu ocknęły się w duchu.

I wszyscy w Nięj widzą—a każdy zawiera
 W Ięj silę i moc przeznaczenia —
 Ci Oko Opatrzne, ci Tęcę Przymierza,
 Ci gwiazdę Nadziei Zbawienia.

O! ziść ją, o Boże! i niech się zawstydzi
 Swobody i Krzyża i Prawdy Twęj wróg;
 I Wschód niech i Zachód poczuje i widzi,
 Żes Ty jest nad światem Pan, Ojciec i Bóg!

* * *

A wy duchy Iagiellonów
 Rozradujcie się w wieczności!
 Oto Dziedzic waszych tronów,
 Waszych myśli i miłosci,
 Ojciec ludu—Pan narodów,
 Wehodzi w progi waszych grobów,
 Przyjąc dzięki milionów,
 Którym wraca godność ludzi;
 Przyjąc hold—nie czechyich poklonów,
 Lecz serc, których wdzięczność budzi.
 Których miłosc i swoboda
 Aureolą nad Nim świeci.
 On nie wzgardzi, co Mu poda,
 Iako Ojcu, grono dzieci.

* * *

A wy tam w Niebiosach, ust naszych wołanie
 Poprzyjcie modłami waszemi:
 Pod berłem niech Jego początek nastanie
 Królestwa Bożego na ziemi!

ПЕРЕВОДЪ.

Да придетъ царствіе Твое!

«Придите, и видите дѣла Господа, — какія произвелъ Онъ опустошенія на землѣ:

«Прекращая брани до края земли, сокрушилъ лукъ и переломилъ копье, колесницы сожегъ огнемъ.

«Остановитесь и познайте, что Я Богъ: буду превознесенъ въ народахъ, превознесенъ на землѣ».

Псаломъ XLV.

Кто Богу подобенъ у насъ на землѣ?

Помазанникъ Божій, народа властитель,
 Источникъ онъ милости — дара небесъ,
 Отъ рабства народнаго нашъ избавитель!

О вѣчная слава ему и хвала!

Онъ душу живую въ людяхъ пробудилъ,
 Онъ мира податель, онъ правды борецъ,
 Онъ въ счастье вѣру людей воскресилъ!

* * *

Когда же міръ преобразится
 Когда въ немъ правда воцарится —
 Не разрушеньемъ царствъ и троновъ,
 Не черезъ слезы миллионовъ,
 А пусть сойдетъ съ небесъ росой,
 Серебристой гостьей неземной,
 И милостью Творца Вселенной,
 Пророковъ рѣчью вдохновенной,
 Державной волею царей,
 Слугъ вѣрныхъ Божьихъ алтарей?

* * *

И вотъ ужъ повѣяло духомъ свободы:

Людская потребность въ общеніи гуманномъ.
 Ихъ мысли мгновенно весь міръ облетаютъ,
 Какъ молніи рѣя во мракѣ туманномъ.

Неужто сближенемъ людей руководить
 Желанье другъ другу несчастій лишь вѣчныхъ,
 Лишь козней коварныхъ мучительной смерти,
 И войнъ разрушительныхъ, войнъ безконечныхъ?

О гдѣ жъ всемогущая власть неземная,
 Чтò всё бы раздоры людей примирила,
 Народы сплотила бы узами братства,
 Свободу на чистой любви утвердила?

Востокъ утопаетъ во мглѣ недвижимой,
 И мѣсяцъ окутался тьмы пеленою,
 И солнце зашло, и закатомъ кровавымъ
 Окрасило тучи надъ мрачной землею.

Но Богъ неустанно о мірѣ печется:
 Не дастъ онъ угаснуть людскимъ упованьямъ,
 Онъ только взглянулъ — и все небо сверкаетъ
 На сѣверѣ дальнемъ полочнымъ сіяньемъ.

Какъ солнце, повсюду лучи заблестали,
 И міръ пробудился отъ края до края:
 Отъ Волги и Лены, до Вислы, Нѣмана,
 До самыхъ береговъ голубого Дуная.

Какъ мѣсяцъ спокойное море волнуетъ
 Мятежно и бурно-тревожнымъ приливомъ,
 Такъ ты пробудила въ народахъ славянскихъ
 Дремавшія силы въ безправьи пугливомъ.

И всё нераздѣльно — и сердцемъ, и духомъ,
 Увѣрились въ мощи ея назначенья,
 Звѣзда лучезарная, символъ союза,
 Звѣзда путеводная, символъ спасенья...

О, Боже, возри же — и да посрамятся
 Враги Твоей правды, креста и свободы,
 Что Ты Вседержитель, Отецъ и Царь міра, —
 О, пусть же поймутъ и оцѣнятъ народы!..

* * *

Вы жъ, духи славныхъ Ягеллоновъ,
 Возрадуйте на небесахъ!
 Вотъ онъ, — наслѣдникъ вашихъ троновъ,
 Наслѣдникъ въ доблестныхъ дѣлахъ,

Отець безправному народу,
 Чтò дароваль ему свободу,—
 Пришелъ къ могиламъ королей
 Благодареніе людей
 Принять не въ суетныхъ поклонахъ,—
 Въ любви горячей и сердечной,
 Чтò загорѣлась славой вѣчной
 Въ освобожденныхъ имъ мильонахъ...
 И онъ пріялъ тотъ даръ людей,
 Своихъ признательныхъ дѣтей!..

* * *

О, духи! услышите желанія наши
 И съ нами молитесь Творцу Всеблагому.
 О, пусть его царство да будетъ началомъ
 Пресвѣтлomu Божьему царству земному¹⁾.

Вслѣдъ за произведеніемъ Одынца въ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи и стихотворенія: II) «Шестое и седьмое сентября въ Вильнѣ 1858 г.», Игнатія Ходзько (на польскомъ и русскомъ языкахъ)²⁾; III) «Историко-статистическій очеркъ города Вильно», А. К. Киркора (на русскомъ языкѣ)³⁾; IV) «La lithuanie depuis l'avenement au trône de sa Majesté L'Empereur Alexandre II, par Nicolas Malinowski»; V) стихотвореніе литовскаго крестьянина отъ имени своихъ братьевъ, на литовскомъ языкѣ, съ русскимъ пере-

¹⁾ Переводъ этотъ, исполненный весьма удачно и мѣстами съ буквальною передачею стиха оригинала, принадлежитъ одному изъ молодыхъ русскихъ писателей С. С. Т., знатоку славянскихъ литературъ. Считаю долгомъ выразить здѣсь автору нашу искреннюю признательность за этотъ прекрасно выполненный трудъ.
 М. Г.

²⁾ Въ этой статейкѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строки: «вся Литва гремитъ нынѣ однимъ великимъ единодушнымъ хоромъ, провозглашая день, когда стопа Монарха коснулась земли ея, день историческій, данный Провидѣніемъ».... Писатель Ходзько также сочувствовалъ освобожденію крестьянъ и былъ вице-президентомъ Виленскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ; но это былъ крайній польскій патріотъ.

³⁾ Очеркъ Киркора заканчивается слѣдующими характерными мыслями: «Заклучимъ нашъ очеркъ душевной молитвою ко Господу силъ, да благословитъ Онъ нашего добраго царя, подѣ благотворною снѣю котораго мы призваны къ разрѣшенію великой современной задачи, подѣ мудрымъ и кроткимъ правленіемъ котораго у насъ развивается общественная жизнь и дѣятельность, восстанавливается довѣріе и братство, проливаются слезы умиленія и радости, утѣшается старость дряхлой матери, сѣдаго отца при видѣ сыновей, возвращенныхъ послѣ многолѣтней разлуки на ихъ родительское лоно, при видѣ юнаго поколѣнія, уже обучающагося родному языку, языку молитвы и перваго младенческаго лепета». Киркоръ, впоследствии консерваторъ Краковскаго музея древностей, былъ въ то время редакторомъ «Виленскаго Вѣстника»; онъ принадлежалъ къ числу польскихъ политическихъ мечтателей.

водомъ; и VI) стихотвореніе: «Найяснѣйшаму яго милѣсьци Гаспадару Императору Александрѣ Миколѣевичу, пѣснья зъ паклонамъ адъ литовско-русинскай мужыцкай грамады. Списавъ Винцесь Коротыньски».

Всѣ эти привѣтствія, при ихъ появленіи, возбудили противъ ихъ авторовъ негодованіе со стороны мѣстныхъ поляковъ и польской эмиграціи; но вся вина обрушилась собственно на Одынца, котораго польское общество, за его вѣрноподданническое и благожелательное привѣтствіе русскаго императора, долгіе годы оставляло въ забвеніи и небреженіи, пока не убѣдилось, что онъ не прератился въ «москаля» и остался полякомъ.

II.

Привѣтствіе супруговъ русскаго дѣятеля.

Въ исторіи возстановленія и укрѣпленія русскихъ началъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ почетное мѣсто занимаетъ, въ числѣ другихъ дѣятелей, П. Н. Батюшковъ¹⁾. Когда онъ прибылъ въ Вильну въ качествѣ помощника попечителя учебнаго округа, въ его домѣ сгруппировалось русское общество и тѣ изъ немногихъ поляковъ, которые безъ предубѣжденія относились къ русскимъ.

Въ числѣ такихъ посѣтителей былъ и поэтъ Одынецъ.

Желая выразить пріязнь русскому дому, польскій поэтъ поднесъ супругѣ П. Н. Батюшкова, Софьѣ Николаевнѣ²⁾, слѣдующее поэтическое привѣтствіе:

Jeśli ci miła przeznaczeń wola
Co cię z pałaców weselem brzmiających
Na nasze ciche przeniosła pola,
W cień mrocznych świerków i brzoź płaczących;

Jeśli prostota wiejskiej natury
Tkliwa się twoja lubuje dusza;
Jeśli skowronek wznosząc się w chmury,
Do słodkich dumań serce twe wzrusza;

Toć i myśl we mnie śmielej się wznasza,
Zwąc mnie i nęcać echem twój chęci,
Bym piosnką prostą, jak ziemia nasza,
Wpisał się w twojej xięgę pamięci.

¹⁾ Нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ, почетный опекунъ.

²⁾ С. Н. Батюшкова — дочь Николая Ив. Кривцова, одного изъ героевъ сраженія подъ Кульмомъ, принадлежавшаго къ числу друзей поэта Пушкина и къ Карамзинскому обществу и оставившаго интересныя, еще неизданныя воспоминанія на французскомъ языкѣ, бывшемъ въ началѣ текущаго столѣтія языкомъ высшаго русскаго общества.

Z niej chcesz czuć pierwsze słów naszych dźwięki,
 Nim ci w nich kiedyś zabrzmia wyrażniej,
 Nie jednej pewnie wdzięczności dzięki,
 Nie jedne śluby szczerzej przyjaźni.

Wtenczas, o pani! sród twych pamiątek,
 To niech jej będzie zaletą całą
 Ze właśnie w sereu wzięła początek,
 Co cię tu pierwsze poznać umiało.

1850, lipca, 4 d.
 Wilno.

ПЕРЕВОДЪ.

Вы промѣняли шумное веселье,
 По волѣ Промысла, на тишину полей,
 На тѣнь безмолвную угрюмыхъ елей,
 На сѣнь березовыхъ, развѣсистыхъ вѣтвей.

И если вы любуетесь такъ нѣжно
 Природой сельскою, символомъ простоты,
 И жаворонка пѣснь въ сіяющей лазури
 Вамъ тихо навѣваетъ сладкія мечты, —

Смѣлѣй стремлюсь я творческою мыслью —
 На память долгую быстротекущихъ лѣтъ —
 Простою пѣснью, близкою къ природѣ,
 Напечатлѣть для васъ мой радостный привѣтъ.

Ему внимаете вы въ звукахъ слова
 Пока невнятнаго и чуждаго для васъ, —
 Съ нимъ породнитесь въ искренней пріязни,
 Чтò благодарные вамъ выскажутъ не разъ...

Тогда, въ воспоминаніяхъ о прошломъ,
 Припомните слова привѣтныя мои, —
 Слова, чтò родились въ горячемъ сердцѣ,
 Повѣдавшемъ о чувствѣ дружеской любви¹⁾.

III.

«Господи и Владыко живота моего!»

Изъ біографіи Антонія-Эдуарда Одынца извѣстно, что десяти-
 лѣтнимъ мальчикомъ онъ отданъ былъ своими родителями, при-
 надлежащими къ римско-католическому исповѣданію, въ Бору-

¹⁾ Переводъ этотъ исполненъ тѣмъ же литераторомъ, которому принадле-
 житъ переводъ «Да прійдетъ царствіе твое».

скій греко-униатскій монастырь на воспитаніе и тамъ пробылъ до 17-лѣтняго возраста. Вѣроятно, въ немъ возродилась поэтому любовь къ восточному богослужебному обряду; по крайней мѣрѣ онъ съ восторгомъ отзывался о церковно-славянскихъ пѣснопѣніяхъ, а въ томъ числѣ о великопостной молитвѣ Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначала и празднословія не даждь ми! Духъ же цѣломудрія, смиренно-мудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему! Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего: яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь».

Вотъ какъ польскій поэтъ переложилъ глубоко-трогательную молитву сирійскаго діакона-пѣснопѣвца:

Modlitwa ś. Efrema Syryjczyka.

Boże mój! Rządco mojego żywota!
 Spraw niech lenistwo, ni ducha tęsknota,
 Ni gniew, ni pycha, ni lakoma zawiść,
 Ni płocha próżność, ni gorzka nienawiść,
 Ni wilemówstwo, co głos prawdy głuszy,
 Ni samolubstwo nie każą mej duszy.
 Ale ja oświęć światłem Twego Ducha,
 Niech wiara, miłość, pokora i skrucha,
 W sercu mem Tobie gotują mieszkanie.
 A grzechy moje daj mi uznać, Panie!
 A sądu brata niech nie będzie we mnie,
 Byś mię Ty, Ojcze! nie sadził wzajemnie,
 Ale mię przyjął pod cień Twej opieki,
 Teraz, i zawsze, i na wieków wieki.
 Amen.

IV.

«Минувшихъ дней очарованье».

Въ собраніяхъ сочиненій нашего поэта Жуковскаго, разныхъ изданій, стихотвореніе его «Минувшихъ дней очарованье» озаглавлено: «Пѣсня». Въ дѣйствительности это не пѣсня, а посланіе.

Другъ Жуковскаго К. К. Зейдлицъ, говоря, что поэтъ 5-го января 1817 г. поѣхалъ обратно въ Дерптъ, замѣчаетъ:

«Онъ все-таки не покидалъ мысли возвратиться на родину. Какъ комментарій къ послѣдней строфѣ прелестной пѣсни:

Минувшихъ дней очарованье,
 Зачѣмъ опять воскресло ты!
 Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
 Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
 Пустынный край не населится,
 Не узреть онъ минувшихъ лѣтъ.

— онъ пишетъ къ Авдотѣ Петровнѣ ¹⁾:

«Этотъ край—Чернь! Но въ Долбинѣ есть жилище говорящій, краснорѣчивый, милый, къ которому много прекраснаго спаслось, и при которомъ оно живетъ, какъ въ обѣтованномъ краю. Этому жилищу дай Богъ долѣе побыть на этомъ свѣтѣ, чтобы быть сторожемъ моего добра ²⁾».

По нашему мнѣнію, приведенный отрывокъ письма, въ которомъ подѣ «жилецомъ говорящимъ, краснорѣчивымъ, милымъ» слѣдуетъ разумѣть Марью Андреевну Протасову, не можетъ служить комментариемъ къ «пѣснѣ» въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ Зейдлицъ, предполагающій, что поэтъ выражаетъ въ ней тоску по родинѣ и желаніе возвратиться изъ Держта въ родные края.

Мы располагаемъ болѣе достовѣрными свѣдѣніями о происхожденіи и значеніи «пѣсни».

Жуковскій восторгался умомъ и необычайною красотой Анны Ивановны Плещеевой, урожденной графини Чернышевой. Спустя затѣмъ много лѣтъ, когда Анны Ивановны уже не было на свѣтѣ, Жуковскій встрѣчаетъ ея племянницу Екатерину Ѳеодоровну, дочь сестры Плещеевой, Екатерины Ивановны Вадковской ³⁾, и поражается сходствомъ ея съ прежнимъ предметомъ своего влеченія. Подѣ влияніемъ этого сходства въ поэтѣ возрождается угасшее было чувство, которое онъ и изливаетъ въ прелестномъ посланіи къ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ: «Минувшихъ дней очарованье» ⁴⁾. Этому вполне отвѣчаетъ и общее содержаніе стихотворенія и такія его мѣста, какъ: «блеснули знакомый взоръ», «зримо стало... незримое съ давнишнихъ поръ», «узрѣть во блескѣ новомъ мечты увядшей красоты» и т. п.

Если письмо Жуковского къ А. П. Елагиной можетъ служить въ данномъ случаѣ комментариемъ, то именно въ приведенномъ нами смыслѣ. Слова письма: «Этотъ край—Чернь» для насъ весьма важны: Чернь—это имѣніе Плещеевыхъ, гдѣ долгіе годы провела съ своимъ мужемъ (Александромъ Алексѣвичемъ) Анна Ивановна, двойнику которой, Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ, посвящено стихотвореніе.

Мало того. Стихотвореніе «Минувшихъ дней очарованье» было прислано Жуковскимъ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Вадковской при слѣдующемъ поэтическомъ посланіи, содержаніе котораго прямо указываетъ значеніе этого стихотворенія:

¹⁾ Кирѣвская, по второму браку Елагина.

²⁾ «Жизнь и поэзія В. А. Жуковского 1783—1852. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица».

³⁾ Е. Ѳ. Вадковская была въ замужествѣ за Н. И. Кривцовымъ, о которомъ упоминалось въ одномъ изъ предшествующихъ примѣчаній.

⁴⁾ Намъ это передано лично внучкой Анны Ивановны Плещеевой и дочерью Екатерины Ѳеодоровны Вадковской (въ супружествѣ Кривцовой), Софьею Николаевною Батюшковой.

Екатери́нѣ Ѳеодоровнѣ Вадковской.

О той, которой болѣ нѣтъ,
 И съ ней о счастья прекрасныхъ ея лѣтъ
 При васъ воскреснуло о ней воспоминаніе
 Мнѣ драгоцѣнное, но скорбное мечтаніе,
 Я здѣсь въ моихъ стихахъ для васъ изобразилъ.
 Чтò вы произвели, то вамъ я посвятилъ,—
 Вы были для души, согрѣтой умиленіемъ,
 Воспоминаніемъ и милымъ вдохновеніемъ.

Жуковскій ¹⁾.

1821 г. 24-го ноября.

Наконецъ, Б. Н. Чичеринъ въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾ категорически указываетъ, что Екатерина Ѳеодоровна Вадковская «повторяла стихи изъ посвященнаго ей въ молодости стихотворенія Жуковскаго: «Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный, свидѣтель милой старины».

Мы нѣсколько распространились о комментаріяхъ къ «пѣснѣ» Жуковскаго, чтобы выяснитъ происхожденіе этого прелестнаго произведенія, переведеннаго на польскій языкъ Одынцемъ. И этотъ переводъ служить подтвержденіемъ нашего объясненія. Когда польскій поэтъ, чрезвычайно любившій произведенія Жуковскаго, узналъ, что Екатерина Ѳеодоровна—мать Софьи Николаевны Батюшковой, то, по расположенію своему къ послѣдней, переложилъ посланіе Жуковскаго на польскій языкъ.

Вотъ этотъ переводъ.

Słodkie minionych dni omamienie!
 Znów że mię urok otacza twój?
 Kto śpiące w sercu zbudził wspomnienie:
 Kto skrzepłych marzeń ożywił rój?

Wionęty w dusze družki znajome,
 Zabłysnął duszy znajomy wzrok:
 I znów przedemną stoi widome,
 Co już przeszłości osłaniał zmrok.

O! święte niegdyś! gościu mój miły!
 Próżno chcesz znowu w pierś moją tchnąć.
 Mógłby nadzieją wskrzesić z mogiły
 Mógłby rzec temu co było «bądź!»

¹⁾ Это посланіе, написанное очевидно экспромтомъ, не вошло ни въ одно изъ собраній сочиненій нашего поэта и нынѣ печатается впервые. Оно сохранилось въ копии, написанной рукою Е. Ѳ. Вадковской и хранящейся у ея дочери, С. Н. Ватюшковой.

²⁾ «Изъ моихъ воспоминаній. По поводу дневника Н. И. Кривцова». Б. Чичерина. «Русскій Архивъ», 1890 г., № 4, стр. 520.

Mogęz przyoblec w swieżość rozwicia
 Zwiędly mych uczuć, marzeń mych kwiat.
 Lub winną nagosć szkieletu życia
 Zakryć znów rąbkiem tęczyoych szat?

O! duszo moja! pocóż wzrok twój goni
 Ku miejscom swiadkom szczęśliwych dni?
 Inż tam nie wiosna kwitnie na błoni!
 Inż tam nie zorze poranne lśni!

Tam noc, pustynia — martwa i głucha
 Gdzie tylko jeden przedmiot i kres:
 Mogila serca — kolebka ducha —
 Oltarz ofiary — szczęścia i łez! ¹⁾.

22-го декабря 1851 г.
 Вильна.

Послѣднія три произведенія Одынца приведены нами съ оригиналовъ, писанныхъ самимъ авторомъ на почтовыхъ листахъ малаго формата. Бумага на нихъ пожелтѣла, чернила начали выцвѣтать; но четкій мелкій почеркъ поэта читается легко. Оригиналы хранятся въ собраніи автографовъ, принадлежащихъ С. Н. Батюшковой, которой считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность за дозволеніе воспользоваться этими автографами.

Приведенныя выше произведенія польскаго поэта выдѣляютъ Одынца изъ ряда его соотчичей. Мы не ошибемся, если скажемъ, что это — единственный польскій литераторъ, который, не утрачивая собственныхъ національныхъ и религиозныхъ чувствъ и убѣжденій, выказалъ полное безпристрастіе и любовь къ русскимъ. Даже Мицкевичъ, имя котораго болѣе извѣстно русскому обществу, который былъ обласканъ въ Россіи, которому Москва поднесла однажды серебряный кубокъ, даже онъ не подарилъ русскимъ ни одной строфы изъ своего поэтическаго творчества. Скажемъ

¹⁾ Для сравненія перевода съ оригиналомъ напомнимъ здѣсь читателямъ «Историческаго Вѣстника» это произведеніе Жуковского.

Минувшихъ дней очарованье,
 Ужежь опять воскресло ты?
 Кто разбудилъ воспоминанье
 И замолчавшія мечты?
 Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
 Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
 И зримо ей минуто стало
 Незримое съ давнишнихъ поръ.

Мечты увядшей красоту?
 Могу ль опять одѣть покровомъ
 Знакомой жизни наготу?

За чѣмъ душа въ тотъ край стреми-
 мится,
 Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
 Пустынный край не населится,
 Не узреть онъ минувшихъ лѣтъ;
 Тамъ есть одинъ жилище безгласный,
 Свидѣтель милой старины;
 Тамъ вмѣстѣ съ нимъ все дни пре-
 красны
 Въ единый гробъ положены.

О милый гость, святое прежде,
 За чѣмъ въ мою тѣнишься грудь?
 Могу ль сказать: живи, надеждъ?
 Скажу ль тому, что было: будь?
 Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ

болѣе: если Мицкевичъ писалъ что-либо о Россіи и русскихъ, то это было не въ нашу пользу, не во славу нашего отечества!

За свои къ намъ симпатіи Одынецъ понесъ возмездіе отъ неразумныхъ патріотовъ-земляковъ; но этими симпатіями онъ не умалилъ своихъ національныхъ чувствъ и ужъ, конечно, сдѣлался черезъ то лучшимъ славяниномъ. Если бы побольше было такихъ поляковъ, какъ Одынецъ, не существовало бы тогда въ польскомъ обществѣ предубѣжденій противъ русскихъ и остыли бы несбыточные польскія мечтанія политическаго характера.

Печатаемая въ русскомъ журналѣ неизданныя произведенія польскаго поэта, мы желали выразить этимъ признательность ему за его русскія симпатіи и своимъ посильнымъ словомъ вплести маленькій лепестокъ въ тотъ вѣнокъ, котораго вполне заслужилъ отъ русскаго общества симпатичный намъ человекъ и добрый славянинъ Антоній-Эдуардъ Одынецъ!

М. Городецкій.

F.7105

F
7105